

Образ старого города на страницах произведений В.А. Каверина

«Город моего детства», - так назвал Псков В.А. Каверин в автобиографической повести «Освещенные окна». Уехав из Пскова в 1919 г., писатель на всю жизнь сохранил любовь к этому городу, не раз возвращался сюда, принимал участие в культурной жизни Пскова. Но, что самое важное, этот город стал частью художественного мира писателя. И это не случайность.

В своей статье «Очерк работы» В.А. Каверин признавался, как много в его писательской манере значат конкретность представления и точность знания факта, острая предметная память. Пообещав себе однажды «не давать воли воображению», писатель и создает художественное пространство своих произведений при помощи знакомых, изученных до мелочей, а главное, любимых и близких реалий. Из таких вот конкретных деталей создается в творчестве Каверина образ старого города. И, как бы он ни назывался в его романах - Энск в «Двух капитанах», Лопахин в «Открытой книге», просто «этот город» в повести «Конец хазы», он всегда узнаваем и в своем историко-географическом облике, в том историческом очертании, которое выдает биографическую связь с ним автора-повествователя.

Лирическая, ностальгическая интонация слышится в прямом авторском признании в «Освещенных окнах»: «Так я вернулся в город моего детства. Я понял, что жил в этом городе, не замечая его, как дышат воздухом, не задумываясь над тем, почему он прозрачен. Теперь он возник передо мной сам по себе, без той посторонней необходимости, которая диктовалась формой рассказа или романа». Такое же чувство выражено и словами Сани Григорьева знаменитого героя популярнейшего романа «Два капитана»: «Но и сам я заново оце-

нил этот прекрасный город. Мальчиком я не замечал всей прелести этих садов на горах, покатых улиц, высоких набережных, под углом расходящихся от Решеток - так и теперь еще называлось место слияния двух рек - Песчинки и Тихой».

Для прозы Каверина характерен сюжетный мотив расставанья и встреч, узнавания нового в старом, истинного в изменившемся. Это способ создания сюжетов и характеров, и образ Старого города участвует в этом построении как город Детства со своей неповторимой аурой, но и как функция в судьбе героев: «Как хорошо вернуться в родной город после восьмилетней разлуки! Все знакомо - и все незнакомо. Неужели это губернаторский дом? Когда-то он казался мне огромным. Неужели это Застенная? Разве она была такая узенькая и кривая? Неужели это Лопухинский бульвар?... А вот и крепостной вал - сердце у меня застучало. Гранитная набережная открылась передо мной, и я с трудом узнал в ней наш бедный пологий берег...» Более всего эта картина говорит о взрослении Сани Григорьева, о прощании с детством и с прежней жизнью, о которой напоминают «сохранившиеся кое-где уголки старого Энска».

В читательском восприятии образ города может создаваться на разных уровнях. Первый уровень - узнавание, это для посвященных. Его предполагал и автор, когда писал, что его земляки легко разгадывают подлинное название города, в котором родился и вырос Саня Григорьев. Такое узнавание обычно радует читателя и приобщает к судьбам героев. Чтение приобретает некоторую интимность.

Другой уровень - восприятие картин города в качестве пейзажа, оттеняющего события и придающего им дополнительные смысловые значения. Так, например, в повести «Конец хазы» пейзаж является сюжетостроительным элементом: «По мудрой мысли

Полковникова Ирина Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры литературы Псковского пединститута им. С.М. Кирова

местного губернатора, барона Адлерберга, при котором строилась тюрьма, стены означенной должны быть омываемы водами реки Плотвы, дабы, уподобленная крепости святых Петра и Павла, в столице нашей Санкт-Петербурге, местная городская тюрьма истинным и устрашающим оплотом справедливого правосудия служила». Именно это месторасположение городской тюрьмы арестант Сергей Веселаго весьма остроумно использует при побеге. А само описание откровенно иронично, что характерно для интонации этого произведения в целом. Описание же ночи на Пустыньке, такой значительной в жизни героини романа «Открытая книга» Тани Власенковой, проясняет сложную душевную жизнь героини и звучит взволнованно: «...На дне оврага был свой, шумный, пахнувший сыростью мир, и, когда из этого мира мы поднялись наверх, я даже ахнула - таким необычайным показалось мне здание старого монастыря с его чистыми строгими стенами, глухими окнами и высокой башенкой... Мы зашли во двор как все пустынно, печально! Каменная панель вела к разрушенному зданию ризницы. Толстая железная дуга была подвешена на цепи посреди двора. Гурый постучал по дуге палкой, и сдержанный суровый звон отозвался и замер».

Третий уровень восприятия Старого города позволяет говорить о нем как об образе, в котором создается модель образа жизни: или медлительно-провинциальной, или по-детски наивной, или преображающейся на глазах под влиянием общественных потрясений (революция, гражданская и Отечественная войны), или же это «свет арктических звезд, случайно упавший в маленький, заброшенный город». Так, например, в романе «Открытая книга» лопахинское детство Тани Власенковой, будущего ученого, наполнено событиями «местного масштаба», вспоминая которые, она, взрослая, не раз улыбнется, но именно здесь Таня постигает величие Времени через «маленькие события, волнующие маленький город». Кто знает, может быть, именно в маленьком городе, в отдалении от эпицентра исторических событий, особенно понятен их истинный смысл. Не случайно Танин сон, в котором на

улице Михайловской «происходило что-то из древней истории: всадники - половцы или скифы, - громко разговаривая, слезали с коней», естественно переходит в явь, похожую на него, такую же тревожную и исторически значимую: «...этот шум, смятенье, разговоры - все продолжалось, как будто всадники, приснившиеся мне, ожили, раскинув лагерь подле нашего дома. Я встала и не поверила своим глазам: в слабом предутреннем свете я увидела множество коней и телег, перепутавшихся и тесно надвинувшихся друг на друга». Это в город привезли голодающих с Поволжья, и ни газета «Красный набат», ни магазин Помгола (помощи голодающим), ни благотворительные спектакли не могут, конечно, дать такого полного представления о народном бедствии, как скрип телег, ржание коней, теснота, смятенье на Малой Михайловской и на всех улицах города, маленькие костры, у которых сидели тихие, желтые, исхудалые люди. Каверинские герои пытливы и целеустремленны, их активность проявляется в драматичных событиях большого мира, а не маленького города, но в трудные минуты жизни Тани, Андрея, Мити воспоминания о Лопахине звучат радостно и тепло и помогают жить. Лопахинский мир кажется истинным и простодушным.

Как образ модели мира изображен Псков в повести «Неизвестный друг», позже переработанной автором и ставшей основой для автобиографического романа «Освещенные окна». И автор, вспоминая себя мальчишкой, младшим в семье, гимназистом, юношей, и Псков, город его детства и юности, - герои этой книги. «Город проходил передо мной», - пишет Каверин, и художественная память помогает воссоздать мир провинциальной жизни начала века, отграниченный от большого мира тихими улочками, колоритными жителями, сложными отношениями в семье, гимназическими событиями, о которых может говорить весь город, магазинами: «все знакомое-презнакомое», как и небо, «на которое никто не смотрел».

Образ города оказывается здесь сквозным и объемным, потому что автор, оттачиваясь от деталей (городская тюрьма, Ко-

хановский бульвар, дом предводителя, казармы Иркутского полка, дача «Ноев ковчег» в Черняковицах, Летний сад, Соборный сад), прослеживает «диалектику души» подрастающего человека. Каждый уголок города связан с каким-нибудь эпизодом жизни, вызывает какие-то ассоциации. Из разорванных, разрозненных впечатлений складывается картина не только быта, но и бытия. Город предстает как средоточие больших и малых проблем: личных, семейных, общественных, философских, а не только как «копилка памяти». И в то же время у него свой характер, немного посадский, но и по-крестьянски терпеливый, обстоятельный, чуть настороженный в ожидании надвигающихся перемен.

Пожалуй, доминантная черта города - его историческое прошлое, так естественно проявляющееся в настоящем. Характер древнего русского города передается и поэтикой названий, которые колоритны, этимологически понятны для любого читателя: Пус-

тынька, Ольгинский мост, Соборный сад, Степановский лужок, Стрелецкое поле, улицы Плоская, Развяжская...

История часто напоминает о себе и в сурово-сдержанных городских пейзажах: «Гражданская война, грохотавшая по России от Баку до Кольского полуострова, не пощадил этого города, построенного на слиянии двух рек и обнесенного каменной стеной, которую в свое время с большим упорством долбил каменными ядрами Стефан Баторий. Через реку был переброшен мост...» («Конец хазы»).

Пользуясь терминологией Ю.М. Лотмана, можно сказать, что герои Каверина - герои «пути», движения. Для персонажей Каверина это движение очень целенаправленное, цельное, они изменяются и в возрастном, и в эпическом смысле. И Старый город - обобщенный образ с конкретными чертами - является для них своеобразной духовной нишей, стартовой площадкой, местом пересечения жизненных дорог и сюжетных линий.